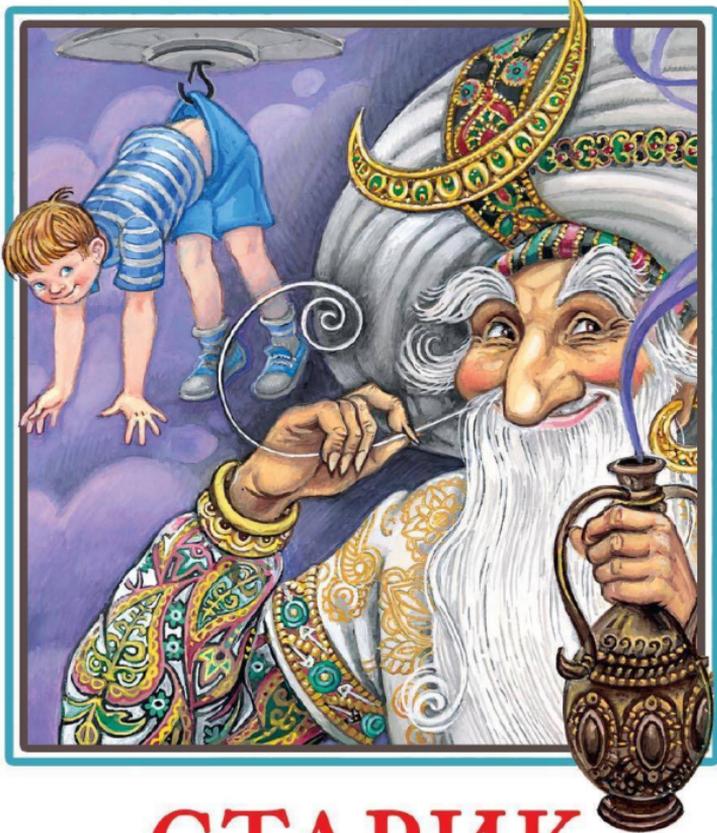

• большая детская библиотека •

ЛАЗАРЬ ЛАГИН

СТАРИК
ХОТТАБЫЧ

Лазарь Иосифович Лагин

Старик Хоттабыч

Серия «Большая детская библиотека»

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121752
Старик Хоттабыч: АСТ, Астрель; М.:; 2006
ISBN 978-5-17-148416-3

Аннотация

Сначала шестикласснику Володе Костылькову очень повезло: со дна реки он достал старинный запечатанный кувшин. А когда открыл его, оттуда появился благодарный джинн. Даже слишком благодарный. И вот в этом Вольке не повезло. Он уже не знал, куда спрятаться от благодетелей Хоттабыча. Так продолжалось довольно долго, пока Хоттабыч не начал потихоньку понимать, что Волька и его друзья – люди другой эпохи, и ценности у них совсем другие. Но и мальчишки кое-чему научились у Хоттабыча. Терпению. Уважению к старости. И самое главное – тому, что даже с пожилым и немного странноватым человеком не от мира сего можно крепко дружить.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Необыкновенное утро	4
Таинственная бутылка	8
Старик Хоттабыч	13
Испытание по географии	16
Хоттабыч действует всюду	23
Необыкновенное происшествие в кино	25
В парикмахерской	30
Девятнадцать баранов	35
Вдвоем в парикмахерской	40
Беспокойная ночь	45
Не менее беспокойное утро	50
Почему С.С. Пивораки переименовал фамилию	56
Интервью с легким водолазом	61
Намечается полет	65
В полете	68
Опять все хорошо	77
«Будьте знакомы»	83
Хоттабстрой	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Лазарь Иосифович Лагин

Старик Хоттабыч

Необыкновенное утро

В семь часов тридцать две минуты утра веселый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторке и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донесся голос матери:

– Нечего спешить, Алеша. Пусть ребенок еще немножко поспит – сегодня у него экзамены.

Волька досадливо поморщился. Когда это мама перестанет наконец называть его ребенком? Шуточки – ребенок! Человеку четырнадцатый год пошел...

– Ну что за чепуха! – ответил за перегородкой отец. – Парню уже тринадцать лет. Пускай встает и помогает складывать вещи. У него скоро борода расти начнет, а ты все: ребенок, ребенок...

Складывать вещи! Как он мог это забыть?! Волька моментально сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квар-

тиру. Еще накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду на дно ванночки, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожницки набрав полный рот гвоздей, заколачивал ящики с книгами и в спешке заколотил в одном из них учебник географии, хотя даже ребенку ясно, что без учебника сдавать испытание невозможно.

– Ладно, – сказал отец, – на новой квартире разберемся.

Потом все спорили, где складывать вещи, чтобы удобнее было их выносить утром на подводу. Потом пили чай по-походному, за столом без скатерти, сидя на ящиках, а Волька очень удобно устроился на футляре из-под швейной машины. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру.

Не успели напиться чаю, как в квартиру постучались. Затем вошли двое грузчиков. Они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

– Можно начинать?

– Пожалуйста, – ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу, к фургону, диванные валики и спинку. Его сразу окружили ребята, игравшие на дворе.

– Переезжаете? – спросил у него Сережа Кружкин, веселый паренек с черными хитрыми глазами.

– Переезжаем, – сухо ответил Волька с таким видом, как будто он переезжал с квартиры на квартиру каждую шестидневку, и будто в этом не было для него ничего удивительного.

Подошел дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завел с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он с уважением отозвался о сложности дворницкой профессии, потом набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал «мерси». Словом, налаживалась серьезная и положительная беседа двух мужчин, когда вдруг из квартиры раздался раздраженный голос матери:

– Волька! Волька! Ну куда девался этот несносный ребенок?

И все сразу пошло прахом. Дворник, еле кивнув Вольке, принялся с ожесточением подметать улицу. Ребята сделали вид, будто безумно увлеклись слепым щенком, которого еще вчера неведомо откуда приволок на бечевке Сережа. А Волька, понутив голову, пошел в опустевшую квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и грязные пузырьки из-под лекарств.

– Наконец-то! – накинулась на него мать. – Бери свой знаменитый аквариум и срочно влезай в фургон. Будешь там сидеть на диване и держать аквариум в руках. Только смотри не расплескай воду.

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

Таинственная бутылка

В конце концов Волька устроился в фургоне неплохо. Конечно, в грузовике приятней, но зато вся дорога промелькнула бы чересчур уж быстро. К тому же, что ни говорите, поездка в крытом фургоне куда романтичнее.

Внутри фургона царил таинственный прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было свободно представить, будто едешь не по Настасьинскому переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в Америке, в суровых пустынных прериях, где каждую минуту могут напасть индейцы и с воинственными кликами снять с тебя скальп. За диваном возвышался ставший вдруг необыкновенно интересным и необычным перевернутый вверх ножками обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное какими-то пыльными склянками. У боковой стенки фургона тускло блестела никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, удивительно напоминала бочки, в которых пираты старого Флинта хранили ром.

Сквозь дыры в стенке фургона проникали тонкие столбики солнечных лучей.

И вот наконец фургон, скрипя, остановился у подъезда их нового дома. Грузчики ловко и быстро перетащили вещи в квартиру и уехали в бодро дребезжащем фургоне.

Отец, кое-как расставив вещи, сказал:

– Остальное доделаем после работы.

И ушел на завод.

Мать с бабушкой принялись распаковывать посуду, а Волька решил тем временем сбегать на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька без него не смел ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашел для себя оправдание.

«Мне необходимо выкупаться, – решил он, – чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на испытание с несвежей головой?!»

Просто удивительно, как Волька умел всегда придумывать оправдание, когда ему хотелось нарушить обещание, данное родителям.

Это очень удобно, когда речка находится недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдет на берег готовиться по географии. Прибежав к речке, он быстро разделся и бросился в воду. Шел одиннадцатый час, и на берегу не было ни одного человека. В этом обстоятельстве были свои хорошие и плохие стороны. Хорошо было то, что никто не мог ему помешать выкупаться и поплавать. Обидно только, что по той же причине никто не мог восторгаться, как красиво и легко Волька плавает и, в особенности, как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырлся до того, что буквально посинел. Тогда он стал вылезать на берег, но в последнюю минуточку передумал и решил еще раз нырнуть в ласковую

прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый момент, когда он уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Он схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках была склизкая, замше-лая глиняная бутылка очень странной формы. Горлышко было наглухо замазано каким-то смолистым веществом, на котором было выдавлено что-то, отдаленно напоминавшее печать.

Волька прикинул бутылку на вес. Бутылка была тяжелая, и Волька обмер.

«Клад! – мгновенно пронеслось у него в мозгу. – Клад со старинными золотыми монетами. Вот это здорово!»

Наспех одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать бутылку.

Когда Волька добежал до дому, в его голове уже окончательно сложилась заметка, которая завтра появится во всех газетах. Он даже придумал название. Она должна была называться: «Честный поступок». Текст ее должен был быть примерно такой:

«Вчера в 24-е отделение милиции явился пионер Володя Костыльков и вручил дежурному клад из старинных золотых монет, найденный им на дне реки. По сведениям из достоверных источников, Володя Костыльков – прекрасный ныряльщик».

Волька вбежал в квартиру и, проскользнув мимо кухни, где мама с бабушкой готовили обед, юркнул в комнату и прежде всего запер на ключ дверь. Затем вытащил из кармана перочинный нож и, дрожа от волнения, соскреб печать с горлышка бутылки.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким черным дымом, и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за ламповый крюк.

Старик Хоттабыч

Пока Волька пытался, раскачиваясь на крюке, придумать мало-мальски правдоподобное объяснение всему приключившемуся, дым в комнате понемножку рассеялся, и Волька вдруг увидел, что в комнате, кроме него, находится еще одно живое существо. Это был тощий старик с бородой по пояс, в роскошной шелковой чалме, в таком же кафтане и шароварах и необыкновенно вычурных сафьяновых туфлях.

– Апчи! – оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц. – Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

– Вы иллюзионист из цирка? – догадался Волька, с любопытством оглядывая сверху незнакомца.

– Нет, повелитель мой, – продолжал старик, – я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший из прекрасных, что я Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович. И случилась со мной – апчи! – удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, ослушался Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я и брат мой, Омар Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и он привел меня насильно, ведя меня в унижении против моей воли. И Сулейман ибн Дауд – мир с ними обоими! – приказал принести два сосуда: один медный, а другой гли-

няный, – и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, в медном. Запечатал он оба сосуда, от- тиснув на них величайшее из имен Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня – в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, – апчхи, апчхи! – извлек меня. Да продлятся дни твои, о... Извиняюсь, как твое имя, отрок?

– Меня зовут Волька, – ответил наш герой, продолжая раскачиваться под потолком.

– А имя отца твоего, да будет он благословен во веки веков?

– Папу моего зовут Алеша... то есть Алексей.

– Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алеша, что я буду делать впредь все, что ты мне прикажешь, ибо ты меня спас из страшного заточения, и я твой раб.

– Почему ты так чихаешь? – осведомился ни с того ни с сего Волька.

– Несколько тысяч лет, проведенных в сырости, без благодатного солнечного света, в глубинах вод, наградил меня, недостойного твоего слугу, хроническим насморком. Но все это сущая чепуха. Повелевай мной, о мой юный господин! – с жаром закончил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, задрав вверх голову, но продолжая оставаться на коленях.

– Я желаю немедленно очутиться на полу, – неуверенно промолвил Волька.

И в то же мгновение он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были абсолютно целы. Начинались чудеса.

Испытание по географии

– Повелевай мной, – продолжал старик Хоттабыч, глядя на Вольку преданными, собачьими глазами. – Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алеша? Скажи, я помогу тебе. Не гложет ли тебя тоска?

– Гложет, – отвечал застенчиво Волька. – У меня сегодня испытание по географии.

– Не беспокойся, о мой повелитель! – возбужденно заорал старик. – Знай же, что тебе неслыханно повезло, о красивейший из отроков, ибо я больше всех джиннов богат знаниями по географии, я – твой верный раб Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Мы пойдем с тобой вместе в школу, да будут благословенны ее фундамент и крыша! Я тебе буду незримо подсказывать ответы на все вопросы, и ты прославишься среди учеников твоей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города.

– Замечательно! – сказал Волька.

Он уже открыл дверь, чтобы пропустить вперед себя Хоттабыча, но тут же снова закрыл ее.

– Придется тебе сменить одежду.

– Разве мои одежды не услаждают твой взор, о достойнейший из Волек? – огорчился Хоттабыч.

– Безусловно услаждают, – дипломатично ответил Волька, – но все же слишком уж они будут бросаться в глаза в

нашем городе.

Через две минуты из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел наш герой, держа под руку старика Хоттабыча. Хоттабыч был великолепен в новой пиджачной паре из белого полотна, украинской вышитой сорочке и твердой соломенной шляпе канотье. Единственной деталью его туалета, которую он ни за что не согласился сменить, были туфли. Ссылаясь на мозоли трехтысячелетней давности, он остался в вычурных, богато расшитых золотом и серебром туфлях, которые в свое время свели бы, наверное, с ума самого большого модника при дворе калифа Гарун аль Рашида...

– Костыльков Владимир! – торжественно провозгласили за столом, где сидела комиссия.

Волька нехотя встал из-за парты, неуверенным шагом подошел к столу и вытащил билет № 14 – «Форма и движение Земли».

– Так, – сказал разомлевший от жары член комиссии и вытер платком вспотевшее лицо. – Так, так, Костыльков. Что же ты можешь рассказать о горизонте?

Старик Хоттабыч, притаившийся за дверьми в коридоре, услышав этот вопрос, что-то беззвучно зашептал.

А Волька вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила против его желания раскрыла ему рот.

– Горизонтом, о высокочтимый мой учитель, – начал он и тут же облился холодным потом, – я осмелюсь назвать, с

твоего позволения, ту грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем Земли.

– Что такое, Костыльков? – удивился экзаменатор. – Как понимать твои слова насчет хрустального свода небес и края Земли: в переносном или буквальном смысле?

– В буквальном, – прошептал за дверью старик Хоттабыч. И Волька, чувствуя, что несет несусветную чепуху, вслед за этим ответил:

– В буквальном, о учитель!

Он не хотел этого говорить, но слова вылетали сами, помимо его желания.

С экзаменатора мгновенно сошло сонное настроение, а ученики, изнывавшие на партах в ожидании своей очереди, встрепенулись и зажужжали, как шмели.

– В переносном, – подсказал ему Сережа Кружкин трагическим шепотом.

Но Волька снова громко и внятно произнес:

– Конечно, в буквальном.

– Значит, как же? – забеспокоился экзаменатор. – Значит, небо – это твердый купол?

– Твердый, – отвечал убитым голосом Волька, и крупные слезы потекли по его щекам.

– И, значит, есть такое место, где Земля кончается?

– Есть такое место, – продолжал против своей воли отвечать наш герой, чувствуя, что ноги у него буквально подкашиваются от ужаса.

– Да-а... – протянул экзаменатор и с любопытством посмотрел на Вольку. – А что ты можешь сказать насчет формы Земли?

Старик Хоттабыч что-то трудолюбиво забормотал в кори-

доре.

«Земля имеет форму шара», – хотел было сказать Волька, но по не зависящим от него обстоятельствам отвечал:

– Земля, о достойнейший из учителей, имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекою – Океаном. Земля покоится на шести слонах, а те, в свою очередь, стоят на огромной черепахе. Так устроен мир, о учитель!

Старик Хоттабыч в коридоре одобрительно кивал головой.

Весь класс помирал со смеху.

– Ты, наверно, болен, Воля? – участливо спросил у него директор школы и пощупал его лоб, мокрый от пота.

– Благодарю тебя, о учитель, – отвечал ему Волька, изнемогая от чувства собственного бессилия, – благодарю тебя. Я, хвала Аллаху, совершенно здоров.

– Придешь, когда выздоровеешь, Воля, – мягко сказал ему тогда директор и вывел его под руку из класса. – Придешь, когда выздоровеешь, и я сам проверю твои знания по географии.

По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч.

– Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, – сказал он, обращаясь к Вольке, – потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

– Потряс, – ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью по-

смотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся.

Хоттабыч действует вовсю

Домой идти не хотелось. На душе у Вольки было отвратительно, и хитрый старик почувствовал что-то неладное.

Добрых три часа он рассказывал своему спасителю, сидя на скамейке на берегу реки, о разных своих похождениях. Потом Волька вспомнил, что мама дала ему деньги на билет в кино. Предполагалось, что он пойдет в кино сразу после того, как сдаст испытание.

– Знаешь что, старик, – сказал Волька загоревшись, – сходим в кино!

– Твои слова для меня закон, о Волька ибн Алеша, – смиренно отвечал старик. – Но скажи мне, сделай милость, что ты подразумеваешь под этим непонятным для меня словом: кино? Не баня ли это? Или, может быть, это так у вас называется рынок, где можно погулять, побеседовать со своими друзьями?

– Каждый ребенок знает, что такое кино. Кино – это... – Тут Волька неопределенно поводит в воздухе руками и добавил: – Ну, в общем, придем – увидишь.

Около кинотеатра стояла большая очередь в кассу.

Над кассой висел плакат: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещен».

– Что с тобой, о красивейший из красавцев? – всполошился Хоттабыч, увидев, что Волька вдруг снова помрачнел.

– А то со мной, – с досадой ответил Волька, – что из-за твоих рассказней мы опоздали на дневной сеанс. Теперь пускают уже только с шестнадцати лет. И потом – видишь, какая очередь. Прямо не знаю, что теперь делать... Домой идти не хочется...

– Ты не пойдешь домой! – заорал на всю площадь старик Хоттабыч. – Не пройдет и одного мгновения, как нас пропустят в твое кино, и мы пройдем в него, окруженные вниманием и восхищением.

«Старый хвастунишка!» – выругался про себя Волька, сжав кулаки. И вдруг обнаружил в правом кулаке два билета на восьмой ряд.

– Ну идем, – сказал старик Хоттабыч, которого буквально распирало от счастья. – Идем. Теперь-то они тебя пропустят.

– Ты уверен в этом? – осведомился Волька.

– Так же, как в том, что тебя ожидает великое будущее. Пусть попробуют не пропустить, – сказал он и подвел Вольку к зеркалу, висевшему около контроля.

Волька обмер. Из зеркала на него глядело уродливое существо: в коротких штанишках, в пионерском галстуке и с бородой апостола на розовом мальчишеском лице.

Необыкновенное происшествие в кино

Торжествующий Хоттабыч поволок Вольку вверх по лестнице, на второй этаж, в фойе. Наш герой, онемев от тоски, старательно прикрывал руками продолжавшие бурно расти бороду и усы. Контролерша сурово начала:

– Мальчик, детям до шестнадцати...

Но Волька совершенно машинально отнял руки от своего подбородка, и контролерша поперхнулась.

– Пожалуйста, гражданин, – сказала она и дрожащими от страха руками оторвала контрольные талоны билета.

В фойе было очень душно и жарко. Переминаясь с ноги на ногу, публика слушала игру джаз-оркестра. До начала сеанса оставалось еще пятнадцать минут. И казалось, что эти пятнадцать минут никогда не кончатся.

Около самого входа в зрительный зал скучал Женя Богорад, круглолицый, коренастый паренек, выглядевший значительно старше своих четырнадцати лет. Это был старинный Волькин приятель. Он невыносимо страдал от одиночества. Ему не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, как сегодня Волька сдавал испытание по географии. И как назло ни одного приятеля!

Тогда он решил сойти вниз. Авось судьба пошлет ему ко-

го-нибудь из знакомых. В самых дверях его сшиб с ног старик в канотье и расшитых золотом туфлях, который тащил за руку самого Вольку Костылькова. Волька почему-то прикрывал руками лицо.

– Волька! – крикнул ему Женя и помахал рукой.

Но Костыльков не выказал никаких признаков особой радости. Он даже, наоборот, демонстративно ушел в самый дальний угол фойе, и Женя обиделся. Он был очень гордый.

«Ну и не надо», – решил он и пошел в буфет выпить стаканчик сидро.

Поэтому он не видел, как вокруг его приятеля и странного старика начал толпиться народ. Когда же он попытался пробиться к Костылькову, было уже поздно. Вольку и старика Хоттабыча окружала плотная стена из многих десятков людей. Толпа продолжала расти. Граждане, громыхая стульями, оставляли свои места перед эстрадой. Вскоре оркестр уже играл перед пустыми стульями.

– Скажите, пожалуйста, в чем дело? – спрашивал Женя, неумолимо работая локтями.

Но ему никто не отвечал. Все стремились в заветный угол фойе, где, сгорая от стыда, притаился Волька Костыльков. Вскоре толпа разгалделась настолько, что стала заглушать звуки оркестра.

Тогда навести порядок решил сам директор кино. Он откашлялся и громко произнес:

– Граждане, разойдитесь! Что, вы бородатого мальчика не

видели, что ли?

Когда эти слова директора донеслись до буфета, все бросили пить чай и прохладительные напитки и ринулись посмотреть на бородатого мальчика.

– Я погиб, ой, как я погиб! – тихо шептал Волька, с отвращением глядя на Хоттабыча.

Хоттабычу было не по себе. Он не знал, что делать.

– О мой юный повелитель! – нервно сказал он. – Прикажи, и все эти презренные зеваки будут превращены в прах вместе с этим трижды проклятым кино.

– Не надо, – горестно ответил Волька, и крупные слезы покатались по его щекам и пропали в гуще бороды.

Эта новость немедленно стала известна всем окружавшим Вольку.

– Бородатый мальчик плачет, – пошел шепот по всей толпе.

Потом лицо Костылькова вдруг просветлело. Он быстро повернулся к старику и сказал ему голосом, дрожащим от радостного волнения:

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, слушай мой приказ!

Старик Хоттабыч низко поклонился и отвечивал:

– Слушаю, о мой повелитель!

По толпе пробежал шепот.

– Старик кланяется этому мальчишке... Вы слышали: оказывается, старик поклонился в ноги этому бородатому мальчику! Тут что-то неладно! Очень интересно!..

Волька продолжал:

– Я приказываю тебе, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб: сделай так, чтобы с моего лица пропала эта проклятая растительность.

– Но тебя тогда выгонят из кино, – пытался было возразить старик Хоттабыч.

Однако, увидев нетерпеливый жест Вольки, он покорно ответил:

– Слушаю и повинуюсь, о красивейший из красавцев!

– Только, пожалуйста, побыстрее! – зло сказал Волька.

– Слушаю и повинуюсь, – повторил Хоттабыч и что-то зашептал, сосредоточенно прищелкивая пальцами.

Борода и усы на Волькином лице оставались без изменений.

– Ну? – сказал Волька нетерпеливо.

– Еще один миг, о Волька ибн Алеша, – отозвался старик, нервно продолжая шептать и щелкать.

Но борода и усы по-прежнему мирно росли на лице нашего несчастного героя.

Старик Хоттабыч безрезультатно пощелкал еще немного. Потом, к удивлению и восторгу окружающих, он вдруг повалился на пол и начал, катаясь по пыльному паркету, бить себя в грудь и царапать лицо.

– О, горе мне, – вопил при этом старик Хоттабыч, – о, горе мне! Тысячелетия, проведенные в этой проклятой бутылке, дали себя знать. Отсутствие практики, увы, губитель-

но отразилось на моей специальности. Прости меня, о юный мой спаситель, но я ничего не могу поделать с твоей бородой и твоими усами! О, горе, горе бедному джинну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу!

– Что ты говоришь, Хоттабыч? – спросил Волька, ничего не разобравший в этих неистовых воплях.

И старик Хоттабыч отвечал ему, продолжая кататься по полу и раздирая на себе одежду:

– О драгоценнейший из отроков, о приятнейший из приятных, не обрушивай на меня свой справедливый гнев. Я не могу избавить тебя от бороды и усов... Я позабыл, как это делается!

Волька прямо-таки закачался от обрушившегося на него нового удара. Потом он со злостью дернул самого себя за бороду, застонал и, схватив хныкающего Хоттабыча за руку, поплелся с ним к выходу сквозь вежливо расступившуюся толпу.

– Куда мы направляем сейчас свои стопы, о Волька? – плаксивым голосом спросил старик.

– В парикмахерскую. Бриться. Немедленно бриться!

В парикмахерской

Парикмахерская районного банно-прачечного треста была переполнена клиентами.

В семь часов двадцать две минуты вечера небритый мастер высунул свое распаренное лицо из мужского зала и крикнул хриплым голосом:

– Очередь!

Тогда из укромного уголка около самой вешалки вышел и уселся в парикмахерском кресле мальчик с лицом, наполовину закутанным в какую-то белую тряпочку.

– Прикажете постричь? – галантно осведомился парикмахер.

– Побрейте меня, – ответил ему сдавленным голосом мальчик и развязал платок, в котором были спрятаны его борода и усы.

«Вот что значит работать в душном помещении в такую жару, – с тоской подумал парикмахер. Он решил, что у него галлюцинация. – Доработался! Эх, охрана труда, охрана труда, где ты?»

– Побрейте меня, – продолжал мальчик. – Только как можно скорее.

Парикмахер понял, что это не галлюцинация, сразу повеселел и, ухмыльнувшись, ответил:

– Я бы на вашем месте, молодой человек, не брил бороду,

а поступил бы в цирк. Вы бы там с такой личностью смогли вполне свободно заработать бешеные деньги.

– Да брейте же поскорее! – крикнул Волька, опасливо глядя на соседние кресла.

Парикмахер, глупо хихикая, приступил к делу. Но было уже поздно, потому что все присутствующие в парикмахерской заметили необыкновенного клиента. Мастера бросили свою работу и с бритвами и ножницами в руках устремились к креслу, на котором сидел несчастный Волька. Клиенты с намыленными щеками, с наполовину побритыми затылками, фыркая и подталкивая друг друга локтями, бесцеремонно обменивались мнениями насчет Волькиной физиономии. Со своей стороны и мастер, польщенный всеобщим вниманием, не нашел ничего умнее, как отпускать грубые шуточки по поводу необычайного уродства мальчика.

Старик Хоттабыч еле сдерживал себя, опасаясь повредить Вольке своим преждевременным вмешательством.

Но вот уже последняя полоска мыла была снята вместе с волосами с Волькиного лица, и мастер сказал, давясь от смеха:

– Напрасно все-таки вы изволили сбривать такую ценность. С такой бородой прямая дорога в цирк. А на худой конец, можно прекрасно подработать на любой ярмарке.

В ответ на эту прощальную реплику вся парикмахерская грохнула таким хохотом, как будто было сказано что-то необыкновенно остроумное. И тогда встал со своего места

Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, поднял вверх руки и громовым голосом произнес:

– Презреннейшие из презреннейших, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастиями, подтрунивающие над косноязычными, находящие веселье в насмешках над горбатыми, разве достойны вы носить имя людей!

И он махнул руками.

Через полминуты из дверей парикмахерской выбежали, дробно цокая копытцами, девятнадцать громко бляевших баранов.

Девятнадцать баранов

Собственно говоря, ничего особенного в парикмахерской не произошло.

Когда разъяренный Хоттабыч начал свою гневную речь и еще только собирался махнуть руками, Волькин парикмахер, задыхаясь от смеха, гаркнул:

– Это еще что за чучело гороховое?!

– Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! Хи, хи, хи! – немедленно захотала вся парикмахерская. – Ой, батюшки, уморил! Ай да старичок! Нет, вы на старичка-то посмотрите! Театр, чистый театр!

Хохот стоял такой, что прохожие останавливались, недоуменно заглядывали в окна и двери парикмахерской, собирались кучками у входа и, еще не зная, в чем дело, смеялись.

– Очередь! – самодовольно провозгласил между тем парикмахер, стараясь перекрыть веселый шум в зале.

Он деловито вытер бритву, положил ее в выдвижной ящичек трюмо, обернулся к клиентам и внезапно ослабевшим голосом простонал:

– Ой, мама!

В парикмахерской произошло нечто неслыханное, похожее на дурной сон: все присутствующие, кроме старика Хоттабыча и Вольки, меньше чем в полминуты превратились в баранов.

«Ой, мамочки, что же это такое?» – хотел было прошептать парикмахер-остряк, но изо рта у него на этот раз вылетели не членораздельные слова, а протяжное и пронзительное «мэ-э-э».

Он испуганно посмотрел в зеркало и вместо своей привычной физиономии увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, встал на все свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал вместе с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

Печально бляевшее стадо сразу застопорило все уличное движение. Возмущенно загудели сирены автобусов и троллейбусов, настойчиво задрезбуждали трамвайные звонки, пронзительно зазвучали свистки милиционеров. Водители автомашин, высунувшись из своих кабинок, очень нелестно отзывались о внезапно появившемся стаде и его возможных хозяевах. Экстренно выбежали из ворот домов дворники в белых передниках и с метлами в руках.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот ералаш, если бы случайно в это время мимо не проходил отец Волькиного приятеля Сережи Кружкина – Александр Никитич, сотрудник научно-исследовательского института овцеводства. Он был, пожалуй, единственным из взрослых прохожих, который пришел в восторг от этого стада.

– Вот это бараны! – воскликнул Кружкин с искренним восхищением. – Прелесть какие бараны! Товарищ милиционер, чьи это бараны?

Милиционер в ответ только растерянно развел руками, и тогда Александру Никитичу пришла в голову дерзкая и не совсем похвальная мысль.

– Позвольте, позвольте... – сказал он, как бы припоминая что-то. – Позвольте, да ведь это, кажется, подопытные бараны, убежавшие сегодня из нашего института! Ну, конечно! Я узнаю вот этого молоденького барашка, я веду над ним наблюдения уже не первый месяц.

Как мы увидим впоследствии, Александр Никитич, сам не зная того, не врал насчет этого барашка.

Стадо дружно заблеяло. Бараны хотели сказать, что ничего подобного, что они вовсе не подопытные бараны, что они вообще не бараны и что только несколько минут назад они были людьми, но вместо слов из их широко раскрытых ртов вылетало только печальное «мэ-э-э».

Но так как все они блеяли точь-в-точь как обыкновенные бараны, милиционер, весьма довольный, что нашелся хозяин этого приبلудного стада, отрядил двух дворников, которые погнали девятнадцать горемычных баранов в чистый, высокий и светлый хлев научно-исследовательского института овцеводства.

Любые другие бараны были бы в восторге от этого комфортабельного помещения, от обильного и разнообразного корма, от чистой и вкусной водопроводной воды в чудесных просторных корытах. Но наши бараны шумели, метались по хлеву, нарочно влезали в корыта с водой и топали копытами,

разбрызгивая воду во все стороны. Принесенный им корм они раскидали по всему хлеву.

Что касается Александра Никитича, то он наблюдал за поведением баранов спокойно, с большим интересом, что-то прикидывая в уме. Очевидно, он обдумывал какие-то свои планы, связанные с новыми обитателями институтского хлева, потому что один раз у него вырвалась фраза:

– М-да! Одного из них придется, пожалуй, зарезать, чтобы проверить качество мяса...

Услышав эти слова, бараны пришли в такое буйное состояние, что институтским служащим с большим трудом удалось их приковать цепями за ноги к стойлам.

В городе давно загорелись яркие, веселые огни фонарей, чудесная ночная прохлада спустилась на раскаленный асфальт мостовой, а Александр Никитич все еще никак не мог налюбоваться на баранов. Да и было чем любоваться ученому-овцеводу! Это были превосходные бараны какой-то неведомой породы. И в этом нет ничего удивительного, ибо ясно, что Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб знал баранов только той породы, с которой он встречался до своего рокового столкновения с Сулейманом ибн Даудом, то есть около трех тысяч лет тому назад.

Кружкин-старший покинул помещение института поздно ночью, решив посвятить своей счастливой находке большую статью в журнале «Прогрессивное овцеводство».

Полный самых приятных мыслей, он отпер двери своей

квартиры. Навстречу ему вышла его жена Татьяна Ивановна.

– Знаешь, Танюша... – начал Александр Никитич с воодушевлением и вдруг заметил, что у жены заплаканное лицо. – В чем дело, Татьяна?

– Шура... – сказала Татьяна Ивановна, и слезы покатились по ее лицу. – Сереженька... наш Сережа...

Одним словом, Сережка Кружкин как ушел утром в школу, так до сих пор домой и не возвращался.

Вдвоем в парикмахерской

– Неплохо сработано, а? – горделиво спросил старик Хоттабыч, с удовлетворением поглядывая на выбегавших из парикмахерской баранов. – Да дозволено будет мне по этому случаю признаться тебе, о прелестный Волька ибн Алеша: я не сразу решил, что мне делать с ними. Поверишь ли, мне стыдно об этом вспомнить – сначала я хотел поразить их громом с неба. Ведь это дурной тон – поражать людей громом с неба. Это ведь каждый может сделать.

Старик явно напрашивался на комплименты. Но Волька, у которого от всего виденного мороз продирает по коже, нашел все-таки в себе мужество, чтобы вступить за науку.

– Удар грома, – сказал Волька, еле сдерживая дрожь, – никого поразить не может. Поражает людей разряд атмосферного электричества – молния. А гром не поражает. Гром – это звук.

– Не знаю, – сухо ответил старик, не желавший опускаться до споров с мальчишкой.

Но он тут же понял, что взял не тот тон, который нужно было, и его морщинистое лицо расплылось в простодушной улыбке.

– Не могу без смеха вспомнить, о мудрейший из отроков, как эти люди превращались в баранов! Сколь забавно это было, не правда ли?!

Волька не находил в происшедшем ничего забавного. Его страшила судьба новоявленных баранов. Их свободно могли зарезать на мясо. Их могло раздавить автобусом, вообще с ними могли случиться самые разнообразные неприятности. Словом, старик явно перестарался. Вполне достаточно было бы поместить про них фельетон в «Пионерской правде» или в «Крокодиле», не упоминая, конечно, про его бороду. Можно было, на худой конец, публично обругать их баранами. Но превращать людей в баранов – это уже слишком.

Волька окинул грустным взором опустевшую парикмахерскую. Еще дымилась на полу намоченная в кипятке салфетка, которую несчастный мастер собирался приложить в виде компресса к побритым щекам не менее несчастного клиента. Вокруг кресел валялись в беспорядке ножницы, бритвы, кисти для бритья, машинки для стрижки волос. В мыльницах сиротливо белела пышно взбитая мыльная пена.

– Знаешь ли ты, о прелестный зрачок моего глаза, – продолжал между тем петушиться Хоттабыч, – я давно уже не колдовал с таким удовольствием! Разве только когда я превратил одного багдадского судью-взяточника в медную ступку и отдал ее знакомому аптекарю. Аптекарь с самого восхода солнца и до полуночи толок в ней пестиком самые горькие и противные снадобья. Не правда ли, здорово, а?

– Очень здорово, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб! Прямо замечательно!

На сей раз Волька говорил совершенно искренне.

– Я так и знал, что тебе это понравится, – сказал с достоинством старик и добавил: – Ну, а теперь пойдем прочь, подалее от этой отвратительной цирюльни.

И потащил Вольку к выходу.

– А касса? А инструменты? А мебель? – воскликнул наш юный герой, упираясь.

Старик обиделся:

– Не хочешь ли ты предложить мне, старому джинну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу, украсть эти кресла и бритвы? Только прикажи, и у тебя будет сколько угодно роскошных кресел, мыльниц, ножниц и бритвенных приборов, которыми не пренебрег бы и сам Сулейман ибн Дауд, да будет мир с ними обоими!

– Да нет же, – сказал тогда с досадой Волька. – Совсем наоборот: я боюсь, что мы уйдем, а парикмахерскую обворуют.

– И пусть обворуют, – жестко ответил Хоттабыч, – так этим смешливым бездельникам и надо.

– Фу-ты, чепуха какая! – вконец возмутился Волька. – Парикмахерская ведь не частная, парикмахерская ведь государственная, старая ты балда!

– Да позволено будет мне узнать, что ты, о бриллиант моей души, подразумеваешь под этим неизвестным мне словом

«балда»? – осведомился с любопытством старик Хоттабыч.

Волька от смущения покраснел, как помидор.

– Понимаешь ли... как тебе сказать... э-э-э... ну, в общем, слово «балда» означает «мудрец».

Тогда Хоттабыч запомнил это слово, чтобы при случае блеснуть им в разговоре.

А Волька решительно защелкнул дверь парикмахерской на английский замок, предварительно заперев кассу и убрав на место валявшиеся инструменты. А в окошке он повесил первую попавшуюся под руку табличку. На табличке было написано:

ЗАКРЫТО НА ОБЕД

Беспокойная ночь

Как раз в это время стадо баранов, подгоняемое озабоченными дворниками, потянулось по направлению к научно-исследовательскому институту овцеводства. Уличная пробка немедленно стала рассасываться, и несколько десятков автобусов, грузовиков, легковых машин, трамваев и троллейбусов сразу тронулись с места. Зажглись притушенные фары, сердито зафыркали и запыхтели моторы, загудели сирены, раздраженно задрезжали трамвайные звонки. Тогда Хоттабыч страшно изменился в лице и громко возопил:

– О горе мне, слабому и несчастному джинну! Джирджис, могучий и беспощадный царь шайтанов и ифритов, не забыл нашей старинной вражды! И вот он наслал на меня страшнейших своих чудовищ!

С этими словами он стремительно отделился от тротуара, уже где-то высоко, на уровне третьего или четвертого этажа, снял свою соломенную шляпу, помахал ею Вольке и медленно растаял в воздухе, крикнув на прощанье:

– Я постараюсь разыскать тебя, о Волька ибн Алеша! Пока!

Между нами говоря, Волька даже обрадовался исчезновению старика. Было не до него. У Вольки буквально подкашивались ноги при одной мысли, что ему сейчас предстоит возвратиться домой.

На новой квартире дым стоял коромыслом. Мебель была расставлена кое-как, на диване лежала куча всякой одежды, которая почему-то никак не влезала в шкаф. Столовая была загромождена ящиками с книгами и всякой домашней утварью. Бабушка вместе с матерью стряпала ужин для отца, который только недавно вернулся с работы и с места в карьер принялся вколачивать в стенки гвозди для портретов. Словом, у взрослых было столько забот, что они не имели никакой возможности присмотреться к тому, как выглядят Волькины щеки. Наспех отругав его за «полуночничание», они вновь занялись своими делами. А Волька, которому пережитое за день основательно отшибло аппетит, отказался от ужина и, сказавшись усталым, завалился спать. Он лежал один в своей темной комнате. Время от времени он щупал свои бритые щеки и горестно стонал. А в это время было слышно, как за стеной отец, развесив наконец портреты, начал распаковывать ящики с книгами. Потом донеслись голоса бабушки, матери, звон посуды, ножей и вилок, прекратился стук молотка и скрежет открываемых ящиков: родители сели ужинать.

– Воля! – крикнула сыну мать из столовой. – Может быть, все-таки придешь поужинать?

– Нет, мамочка, мне что-то не хочется, – скорбно ответил Волька и вдруг почувствовал, что ему очень хочется кушать.

Терзаемый голодом, он ворочался с боку на бок, пока в квартире не погасили свет и не затихли разговоры. Прождав

еще некоторое время и убедившись, что старшие действительно уснули, он осторожно слез с кровати и босиком, на цыпочках пробрался в столовую. Его привыкшие к темноте глаза уже различили в синем полумраке заветную дверцу буфета, когда вдруг тишину квартиры прорезала дробная трель телефонного звонка.

Проклинаая телефон и его изобретателя, Волька опрометью бросился в свою комнату и, осторожно улегшись на кровати, стал выжидать тот счастливый момент, когда он сможет беспрепятственно добраться до буфета.

– Да, это я, – донесся в это время заспанный голос Алексея Алексеевича, подошедшего к телефону. – Да... Здравствуйте, Николай Никандрович. Что? Нету, нету... Да, дома... Пожалуйста. До свиданья, Николай Никандрович.

– Кто это звонил? – заинтересовалась Волькина мать из спальни, и Алексей Алексеевич ответил:

– Это отец Жени Богорада. Волнуется, что Женя до сих пор не вернулся домой. Спрашивал, не у нас ли Женя и дома ли Волька...

– В мои годы, – вмешалась в разговор бабушка, – так поздно возвращались домой только гусары... Но чтобы ребенок...

Минут десять прошло, пока, судя по всем признакам, старшие наконец уснули, и тогда Волька с теми же мерами предосторожности опять отправился в свою тайную экспедицию за съестным. Вот он благополучно добрался до само-

го буфета и уже раскрыл дверцу, когда снова раздался оглушительный телефонный звонок. И снова Волька вынужден был, голодный и злой, позорно бежать из столовой.

На этот раз звонила Татьяна Ивановна, мать Сережи Кружкина. Она тоже справлялась, не у них ли засиделся ее сын и нельзя ли, в крайнем случае, узнать о нем у Вольки.

– Пожалуйста, – любезно согласился Алексей Алексеевич и, приоткрыв дверь Волькиной комнаты, окликнул сына.

Тут немедленно вмешалась бабушка:

– Как тебе не стыдно, Алеша! Ребенок устал после экзаменов, а ты его будишь!

– Хорош ребенок, – проворчал Алексей Алексеевич. – У этого ребенка скоро борода начнет расти.

И он вернулся к телефону, не подозревая даже, насколько близок он был к истине, когда говорил насчет бороды.

Долго, очень долго Волька ждал, когда прекратятся, наконец, разговоры старших насчет Жени и Сережи, и, так и не дождавшись, незаметно заснул сам.

Поздно ночью пошел дождь. Он весело стучал в окна, лихо шумел в густой листве деревьев, деловито журчал в водосточных трубах. Временами он затихал, и тогда слышно было, как крупные дождевые капли солидно и увесисто падали с карнизов в бочку, стоявшую под окном. Потом, как бы набравшись сил, дождь снова начинал лить густыми потоками. Под такой дождь очень приятно спать, он действует убаюкивающе даже на людей, страдающих бессонницей, а Волька

никогда не жаловался на бессонницу.

К утру, когда небо почти прояснилось от туч, кто-то осторожно тронул несколько раз нашего крепко спавшего героя за плечо. Но Волька продолжал спать, и тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то про-бормотал себе под нос и, шаркая туфлями, направился в уголок комнаты, где на специальной тумбочке стоял Волькин аквариум с золотыми рыбками. Затем раздался еле слышный всплеск воды, и снова воцарилась полная тишина.

Не менее беспокойное утро

Утро наступило чудесное, солнечное.

В половине седьмого бабушка, тихо приоткрыв дверь, прошла на цыпочках к окну и распахнула его настежь. В комнату сразу ворвался бодрящий, прохладный воздух и вместе с ним радостный хор птиц, автомобилей и человеческих голосов. Начиналось городское утро, шумное, веселое и хлопотливое. Но Волька не проснулся бы, если бы одеяло не соскользнуло с него на пол.

– Батюшки, – заволновался он, посмотрев на будильник, стоявший рядом на столике, – опоздал! Ей-богу, опоздал! Сережка уже добрый час ждет меня на реке удить рыбу.

Волька огорченно шлепнул себя по щеке и, наколовшись на выросшую за ночь щетину, сразу вспомнил про вчерашние события и понял, что находится в совершенно безвыходном положении. Тогда он снова забрался под одеяло и начал, уныло похныкивая, думать, что ему делать.

– Воля, а Воля! Ты уже встал? – услышал он донесшийся из столовой голос отца, но решил лучше не отвечать.

– Воля, ну вставай же, пора завтракать, – продолжал отец. – Не понимаю, как можно спать, когда на дворе такое замечательное утро.

Он говорил это, очевидно, бабушке, потому что в ответ раздался ее сварливый голос:

– Вот заставить бы тебя самого, Алеша, сдавать экзамены, да потом разбудить бы тебя чуть свет, чуть заря.

Бабушка все время вела примиренческую линию по отношению к своему единственному внуку.

– Ну, и пускай его спит, – пробурчал отец, принимаясь за завтрак. – Небось захочет есть, сразу проснется.

Каково Вольке было слышать эти слова! Он буквально изнемогал от голода и иногда ловил себя на том, что яичница с куском черного хлеба сейчас волнует его больше, чем рыжая щетина на его щеках. Но здравый смысл взял все-таки верх над чувством голода, и Волька пролежал в постели до тех пор, пока отец не ушел на работу, а мать не отправилась с кошелкой на рынок.

Прошло два часа, а Волька так и не придумал выхода из своего трагического положения.

«Была не была! – решил он тогда. – Расскажу все бабушке. Авось вместе что-нибудь изобретем».

И, чтобы отрезать себе путь к отступлению, он тут же крикнул:

– Бабушка, а бабушка!

– Ишь ты, проснулся все-таки, – обрадовалась бабушка, которой было скучно одной в квартире. – Иду, иду, полуночник.

Ее легкие шаги слышались уже совсем близко, когда Волька, рассеянно взглянувший на свой аквариум, вдруг быстро подскочил к двери и закрыл ее на ключ.

– Я скоро, бабушка, я только оденусь и сам приду в столовую, – сказал он и, чем-то очень взволнованный, подбежал к аквариуму.

Это был совсем обычный маленький аквариум, но Волька, посмотрев на него в это беспокойное утро, всполошился недаром. Дело в том, что по сравнению со вчерашним днем в этом аквариуме произошли серьезные изменения, никак не объяснимые с точки зрения естественных наук и полные поэтому таинственного смысла: за ночь население аквариума увеличилось. Вчера было четыре рыбки, а сегодня стало пять! Появилась еще одна, новая, толстая золотая рыбка, важно шевелившая своими пышными, ярко окрашенными плавниками. Когда изумленный Волька прильнул к толстому стеклу аквариума, ему показалось, что она несколько раз хитро подмигнула ему.

– Что за ерунда! – пробормотал озадаченный Волька и засунул руку в воду, чтобы схватить загадочную рыбку, но она сама, сильно ударив хвостом по воде, выскочила из аквариума на пол и в мгновение ока превратилась в старика Хоттабыча.

– Уф! – сказал Хоттабыч, отряхиваясь и вытирая полой пиджака свою мокрую бороду. – Я все утро ожидаю чести выразить тебе свое почтение. Но ты не просыпался, как я ни старался разбудить тебя. И мне пришлось переночевать в аквариуме, о счастливейший Волька ибн Алеша.

– Как тебе не стыдно смеяться надо мной! – разозлился Волька. – Только в насмешку можно назвать счастливец мальчика с бородой.

Почему С.С. Пивораки переменил фамилию

Ничего не произошло бы, если бы Степан Степанович Пивораки не решил в это очаровательное утро совместить сразу два удовольствия: он захотел побриться, наслаждаясь одновременно живописным видом на реку. Поэтому он придвинул к самому окну столик, на котором расположил бритвенные принадлежности, и принялся, мурлыча под нос веселую песенку, тщательно намыливать себе щеки.

Мы позволим себе использовать время, которое Степан Степанович употребляет для намыливания своей физиономии, и вкратце расскажем о нашем новом знакомом.

По странному совпадению обстоятельств, его фамилия полностью соответствовала одной из двух основных его слабостей: он любил пить пиво и закусывать его аппетитными красными раками.

Второй его слабостью была излишняя словоохотливость, из-за которой он, человек, вообще говоря, неглупый и начитанный, нередко становился в тягость даже самым близким своим друзьям.

За всем этим он был превосходным парнем и большим мастером своего дела. Он был лекальщиком.

Закончив намыливать свое лицо, Степан Степанович взял

в руку бритву и принялся с необыкновенной легкостью водить ею по щекам. Затем он с наслаждением обрызгал себя из пульверизатора цветочным одеколоном «Орхидея» и принялся вытирать бритву, когда вдруг неожиданно рядом с ним неизвестно каким путем возник старичок в канотье и расши-тых золотом и серебром туфлях.

– Ты бладобрей? – сурово спросил старичок у опешившего Степана Степановича.

– Во-первых, – вежливо ответил ему Пивораки, – я попрошу вас не тыкать. А во-вторых, вы, очевидно, хотели сказать «парикмахер»? Нет, я не профессионал-парикмахер. Хотя, с другой стороны, я могу сказать про себя, что да, я парикмахер. Потому что, не будучи парикмахером, или, как вы выразились, бладобреем, я могу все же заткнуть за пояс любого парикмахера-профессионала, или, как вы выразились, бладобрея, тогда как ни один парикмахер не может заткнуть за пояс меня. А почему? Да потому, что я в уме...

Старик очень невежливо прервал разговорившегося Пивораки на полуслове:

– Сумеешь ли ты отлично побрить отрока, которому ты недостойн даже целовать пыль под его стопами?

– Я бы вторично попросил вас не тыкать, – снова возразил Степан Степанович. – Что же касается существа затронутого вами вопроса...

Он хотел было продолжать свою речь, но старик молча собрал все бритвенные принадлежности, ухватил за шиворот

продолжавшего ораторствовать Степана Степановича и, не говоря худого слова, вылетел с ним через окошко в неизвестном направлении.

Через несколько летних минут они через окошко же влетели в знакомую нам комнату, где, пригорюнившись, сидел на своей кровати Волька Костыльков, изредка со стоном поглядывая в зеркало на свою бородатую физиономию.

– Счастье и удача сопутствуют тебе во всех твоих начинаниях, о юный мой повелитель! – провозгласил торжественно старик, не выпуская из своих крепких рук пытавшегося вырваться Степана Степановича. – Я совсем было отчаялся найти тебе брадобрея, когда увидел через окошко сего болтливого мужа, и я захватил его с собою, и вот он перед тобою со всеми инструментами, необходимыми для бритья... А теперь, – обратился он к Пивораки, выпялившему глаза на бородатого мальчика, – разложи, как это подобает, свои инструменты и побрей этого отрока так, чтобы его щеки стали гладкие, как у юной девы.

– Я попросил бы не тыкать, – нерешительно ответил гордый Степан Степанович, но вступать в продолжительную дискуссию не счел целесообразным, безропотно намылил Волькины щеки, и бритва заблестела в его руке.

Вскоре Волькины щеки стали гладкими.

– А теперь, – сказал старик Степану Степановичу, который буквально осунулся за последние полчаса, – сложи свои инструменты и приходи сюда через окно завтра рано утром.

Тебе придется снова побрить этого отрока, да славится его имя среди всех отроков этого города!

– Я попросил бы не тыкать, – устало возразил Степан Степанович и после непродолжительного молчания добавил: – Завтра я не смогу. Завтра я работаю в ночной смене.

Хоттабыч посмотрел на него так многозначительно, что Степан Степанович еле смог выдавить из себя вопрос:

– А, извините за назойливость, как часто мне придется лазить по утрам через окошко к этому молодому товарищу?

– Пока у него не перестанет расти борода, – сурово ответил старик, и Степан Степанович с тоской подумал, что борода у этого молодого человека, очевидно, еще только начала расти и вряд ли перестанет расти до самой его смерти.

Тогда у Степана Степановича от горя подкосились ноги, он тяжело упал на стул и пролепетал:

– В таком случае, мне придется перейти на такое предприятие, где работают в одну смену.

– Меня это не касается, – сухо ответил старик.

– Разрешите второй вопрос, – сказал Степан Степанович, с трудом поворачивая язык, – может быть, все-таки лучше будет вам попробовать средство для удаления волос, которое можно приобрести в любой аптеке? Это избавило бы нашего молодого товарища от необходимости бриться каждый день.

– Я не завидую твоей судьбе, если ты нам врешь про это средство, – зловеще проговорил Хоттабыч и, отпустив перепуганного насмерть Степана Степановича, отправился в бли-

жайшую аптеку.

Вскоре он вернулся с аккуратно завязанным пакетиком.

– Мы испробуем это средство, когда закатится солнце, о благородный отрок, – сказал он повеселевшему Вольке, который поджидал его у подъезда, уписывая за обе щеки огромный кусок пирога с капустой.

Что же касается Степана Степановича Пивораки, который уже больше не появится в нашей глубоко правдивой повести, то доподлинно известно, что он после описанных выше злоключений совершенно изменился.

Раньше болтливый, он стал сейчас скуп на слова и каждое из них тщательно взвешивает, перед тем как произнести. Недавно еще большой любитель выпить, он решительно прекратил после этого дня потреблять алкогольные напитки и даже, если верить слухам, переименовал фамилию Пивораки на более соответствующую его теперешнему настроению – фамилию Эссендуки.

Интервью с легким водолазом

Всю ночь родители Сережи Кружкина и Жени Богорада провели на ногах. Они звонили по телефону всем своим знакомым, объездили на такси все отделения милиции, все больницы, побывали в уголовном розыске и даже в городском морге. И все безрезультатно. Ребята как в воду канули.

Наутро директор школы вызвал к себе и лично опросил одноклассников Сережи и Жени, в том числе и Вольку Костылькова. Волька честно рассказал про вчерашнюю встречу с Женей Богорадом в кино, благоразумно умолчав, конечно, про бороду. При этом он страшно волновался, как бы директор или кто-нибудь из присутствующих не обратил внимания на его бритые щеки. Но директору было не до Волькиных щек.

Одна из девочек, немножко поплакав, вспомнила, что часов около восьми вечера она встретила Сережу на Пушкинской улице. Сережа был в превосходном настроении и спешил домой обедать. Такие же показания дали еще несколько учеников, но ни одно из них не помогло найти нити для дальнейших поисков.

Уже школьники, задумчивые и невеселые, собирались разойтись по домам, когда вдруг один мальчик вспомнил, что Сережа с Женей собирались после школы пойти купаться. И тогда все похолодели от страшной мысли.

Ну, конечно, ребята пошли купаться и утонули.

Через полчаса все наличные силы Освода были брошены на розыски юных утопленников. Сотрудники спасательных станций старательно обшарили баграми всю реку в пределах черты города, но ничего не нашли. Водолазы добросовестно обходили русло реки, подолгу прощупывая омуты, и также ничего не обнаружили.

Так они и доложили своему начальнику. Начальник снял свою форменную фуражку, вытер носовым платком лоб, вспотевший от жары и забот, и приказал продолжать поиски вплоть до наступления темноты.

Уже спускалась над рекой огненная стена заката, слабый ветер доносил из Парка культуры низкие звуки сирены – знак того, что в летнем театре начинался вечерний спектакль, а на реке еще виднелись темные силуэты освоводских лодок, разыскивающих Сережу и Женю.

В этот прохладный и тихий вечер не сиделось дома. Тем более что Волька только что натер свои щеки средством для удаления волос, и лицо действительно стало почти совсем гладким.

– Ничего, о Волька ибн Алеша, – успокоил его Хоттабыч, – на сегодня вполне достаточно, а завтра к вечеру истечет срок колдовству, и тогда растительность на твоём лице исчезнет, как будто ее и не было вовсе. Ибо, к счастью, я заколдовал тебя малым колдовством.

– Пойдем погуляем, что ли, – сказал Волька, и вскоре они

уже шагали вдоль широкой асфальтированной набережной.

– Что это за люди со странными головами стоят в этих утлых суденышках? – спросил старик, указывая на осводовские лодки.

– Это легкие водолазы, – печально ответил Волька, вспомнив о своих пропавших друзьях.

– Мир с тобою, о достойный легкий водолаз, – величественно обратился тогда Хоттабыч к одному из водолазов, высаживавшемуся из лодки на берег. – Что ты разыскиваешь здесь, на дне этой прохладной реки?

– Утонули два мальчика, вот мы их и ищем, – ответил водолаз и быстро взбежал по ступенькам в помещение спасательной станции.

– Я не имею больше вопросов, о высокочтимый легкий водолаз, – промолвил ему вслед Хоттабыч.

Затем он вернулся к Вольке, низко поклонился и произнес:

– Целую землю у ног твоих, о достойнейший из учащихся неполной средней школы.

– В чем дело?

– Правильно ли я понял этого легкого водолаза, что он разыскивает двух отроков, имеющих высокую честь быть твоими товарищами?

Волька вместо ответа молча кивнул головой.

– И один из них лицом круглолиц, телом коренаст, носом курнос, и волосы его подстрижены не так, как это подобает

отроку?

– Да, это Женя. У него прическа «бокс». Он был большой франт, – сказал Волька и очень грустно вздохнул.

– Мы его видели вчера в кино? Это он что-то тебе кричал, и ты был опечален, что он всем расскажет о твоей бороде?

– Да, верно. Откуда ты узнал, что я об этом подумал?

– И теперь ты боишься, что найдут твоего приятеля Женю? – продолжал старик, не отвечая на Волькин вопрос. – Так не бойся этого.

– Неправда! Совсем не то, – обиделся Волька. – Совсем я не этим опечален. Мне, наоборот, очень грустно, что Женя утонул.

Хоттабыч с сожалением посмотрел на Вольку и, победоносно ухмыльнувшись, сказал:

– Он не утонул.

– Как не утонул?! Откуда ты это знаешь?

– Мне ли не знать! – сказал тогда, торжествуя, старик Хоттабыч. – Я подстерег его вчера, когда он выходил из кино, и продал в рабство в Индию. Пусть там кому хочет рассказывает о твоей бороде...

Намечается полет

– То есть как это – в рабство? – спросил потрясенный Волька.

Старик понял, что опять получилось не так, как надо, и его лицо сразу приняло кислое выражение.

– Очень просто, обыкновенно, как всегда продают в рабство! – нервно огрызнулся он. – Взял и продал в рабство. Чтобы не трепался.

– И Сережку ты тоже продал?

– Вот уж кого не продавал, того не продавал. Кто это такой Сережка, о прелестнейший?

– Он тоже пропал. Женя пропал, и он пропал.

– Я не знаю мальчика по имени Сережка, величайший в мире балда!

– Это кого ты назвал балдой? – полез Волька в амбицию.

– Тебя, Волька ибн Алеша, ибо ты не по годам мудр, – сказал Хоттабыч, очень довольный, что ему удалось так кстати вернуть слово, которое он впервые услышал от Вольки в парикмахерской.

Волька сначала хотел обидеться, но вовремя вспомнил, что обижаться в данном случае нужно только на самого себя. Он покраснел и, стараясь не смотреть в честные глаза старика, попросил Хоттабыча не называть его балдой, ибо он не заслуживает этого звания.

– Хвалю твою скромность, бесценный Волька ибн Алеша, – молвил Хоттабыч и устало добавил: – А теперь не говори мне больше ничего об этом Сережке, ибо я ослаб от множества вопросов и умолкаю.

Тогда Волька сел на скамейку и заплакал от бессильной злобы. Старик всполошился, он не понял, в чем дело. Робко усевшись на самый край скамейки, он умоляюще заглянул в Волькины заплаканные глаза и прошептал:

– Что означает этот плач, тебя одолевший? Отвечай же, не разрывай моего сердца на куски, о юный мой господин!

– Верни нам, пожалуйста, обратно Женю.

Хоттабыч внимательно посмотрел на Вольку, пожевал губами и задумчиво произнес, обращаясь больше к самому себе, нежели к Вольке:

– Я сам себе удивляюсь. Что бы я ни сделал, все тебе не нравится. В другое время я бы тебя давно наказал за такую строптивость. Мне для этого стоит лишь двинуть пальцем. А теперь я не только не наказываю тебя, но даже чувствую себя в чем-то виноватым. Интересно, в чем дело? Неужели в старости? Эх, старею я...

– Что ты, что ты, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, ты еще очень молодо выглядишь, – сказал сквозь слезы Волька.

Действительно, старик для своих трех с лишним тысяч лет сохранился совсем неплохо. Ему нельзя было дать на вид больше ста, ста десяти лет. Скажем прямо: любой из нас выглядел бы в его годы значительно старше.

– Ну, уж ты скажешь – «очень молодо», – самодовольно ухмыльнулся Хоттабыч и, доброжелательно взглянув на Вольку, добавил: – Нет, вернуть сюда Женю я, поверь мне, не в силах.

У Вольки снова появились слезы.

– Но, – продолжал Хоттабыч многозначительно, – если ты не возражаешь, мы можем за ним слетать.

– Слетать?! В Индию?! На чем?

– То есть как это на чем? Конечно, на ковре-самолете. Не на птицах же нам лететь, – ехидно отвечал старик.

– Когда можно вылететь? – всполошился Волька.

И старик ответил:

– Хоть сейчас.

– Тогда немедля в полет, – сказал Волька и тут же замаялся: – Вот только не знаю, как быть с родителями. Они будут волноваться, если я улечу, ничего им не сказав. А если скажу, то не пустят.

– Пусть это тебя не беспокоит, – отвечал старик, – я сделаю так, что они тебя ни разу не вспомнят за время нашего отсутствия.

– Ну, ты не знаешь моих родителей.

– А ты не знаешь Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба.

В полете

В одном уголке ковра-самолета ворс был в неважном состоянии – это, наверное, постаралась моль. В остальном же ковер отлично сохранился, а что касается кистей, украшавших его, то они были совсем как новые. Вольке показалось даже, что он уже где-то видел точно такой ковер, но никак не мог вспомнить где. Не то на квартире у Сережи, не то в школе, в учительской.

Старт был дан в саду, при полном отсутствии публики. Хоттабыч взял Вольку за руку и поставил его рядом с собой на самой середине ковра. Затем он вырвал три волоса из своей бороды, дунул на них и что-то зашептал, сосредоточенно закатив глаза. Ковер затрепетал, один за другим поднялись вверх все четыре угла с кистями, потом выгнулись и поднялись вверх края ковра, но середина его продолжала покоиться на траве под тяжестью пассажиров. Потрепетав немножко, ковер застыл в неподвижности. Старик сконфуженно засуетился:

– Прости меня, о любезный Волька. Случилось недоразумение. Я это все сейчас исправлю.

Хоттабыч с минутку подумал, произведя какие-то сложные вычисления на пальцах. Очевидно, на сей раз он пришел к правильному решению, потому что лицо его сразу прояснилось. Он бодро выдрал из своей бороды еще шесть во-

лосинок, половинку одной из них оторвал и выбросил как лишнюю, а на остальные, как и в первый раз, подул и произнес, закатив глаза, заклинания. Теперь ковер выпрямился, стал плоским и твердым, как лестничная площадка, и стремительно рванулся вверх, увлекая на себе улыбавшегося Хоттабыча и Вольку, у которого голова кружилась не то от восторга, не то от высоты.

Ковер поднялся выше самых высоких деревьев, выше самых высоких домов, выше самых высоких фабричных труб и поплыл над городом, полным сияющего мерцания огней. Снизу доносились приглушенные человеческие голоса, автомобильные сирены, пение гребцов на реке, отдаленные звуки духового оркестра.

Вечерняя темнота окутала город, а здесь, наверху, еще виден был багровый солнечный диск, медленно катившийся за горизонт.

– Интересно, – промолвил Волька задумчиво, – интересно, на какой мы сейчас высоте.

– Локтей шестьсот-семьсот, – отвечал Хоттабыч, продолжая что-то высчитывать на пальцах.

Между тем ковер лег на курс, продолжая одновременно набирать высоту, и Вольке надоело стоять неподвижно. Он осторожно нагнулся и попытался сесть, поджал под себя ноги, как это сделал Хоттабыч, но никакого удовлетворения, а тем более удовольствия от этого способа сидения не испытал. Тогда, зажмурив глаза, чтобы побороть противное чув-

ство головокружения, Волька уселся, свесив ноги с ковра. Так сидеть было удобнее, но зато немилосердно дуло в ноги, их относил ветром в сторону.

Ковер вошел в полосу облаков. Из-за густого тумана Волька еле мог различать своего спутника, хотя тот сидел рядом с ним. Ковер, кисти ковра, Волькина одежда и все находившееся в его карманах набухло от сырости.

– У меня есть предложение, – сказал Волька, щелкая зубами.

– М-м-м? – вопросительно промычал Хоттабыч.

– Я предлагаю набрать высоту и вылететь из полосы тумана.

– С любовью и удовольствием, любезный Волька. Сколь поразительна зрелость твоего ума!

Ковер, хлюпая набухшими кистями, тяжело взмыл вверх, и вскоре над ними уже открылось чистое темно-синее небо, усеянное редкими звездами, а под ними покоилось белоснежное море облаков с застывшими округлыми волнами.

Теперь наши путешественники уже больше не страдали от сырости, они теперь страдали от холода.

– Х-х-хор-рро-шо б-было б-бы сейчас д-до-стать чего-нибудь т-теплень-кого из одежды, – мечтательно сказал Волька, у которого зуб на зуб не попадал.

– П-по-пожалуйста, о блаженный Волька ибн Алеша, – отвечивал Хоттабыч и прикрыл свернувшегося калачиком Вольку неведомо откуда появившимся халатом. Халат

был из чудесной тонкой материи, превосходной расцветки и имел только один – правда, довольно существенный – недостаток. Он был рассчитан на пользование им в Багдаде или в Дамаске, и поэтому при температуре в четыре градуса мороза он не столько заменял собою одеяло, сколько создавал красивую, но не греющую видимость его.

И все же Волька уснул. Он спал, а ковер-самолет неслышно пролетал над горами и долинами, над полями и лугами, над реками и ручейками, над колхозами и городами. Все дальше и дальше на юго-восток, все ближе и ближе к таинственной Индии, где томился в цепях юный невольник Женя Богорад.

Волька проснулся через два часа, когда еще было совсем темно. Его разбудили стужа и какой-то тихий мелодичный звон, походивший на звон ламповых хрустальных подвесков. Это звенели сосульки на бороде Хоттабыча и обледеневшие кисти ковра. Вообще же весь ковер покрылся противной, скользкой ледяной коркой. Это немедленно отразилось на его летных качествах и, в первую очередь, на скорости его полета. Кроме того, теперь при самом незначительном выражении этого сказочного средства передвижения его пассажирам угрожала смертельная опасность свалиться в пропасть. А тут еще начались бесчисленные воздушные ямы. Ковер падал со страшной высоты, нелепо вихляя и кружась. Волька и Хоттабыч хватались тогда за кисти ковра, невыносимо страдая одновременно от бортовой и килевой качки, от головокру-

жения, от холода и, наконец, просто от страха.

Старик долго крепился, но после одной особенно глубокой воздушной ямы пал духом и робко начал:

– О отрок, подобный обрезку луны, одно дело было забросить твоего друга в Индию. Для этого потребовалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти. Другое дело – лететь на ковре-самолете. Видишь, мы уже сколько летим, а ведь пролетели едва одну десятую часть пути. Так не вернуться ли нам обратно, чтобы не превратиться в кусочки льда?

– Ну, знаешь, я тебя просто не узнаю, старик. Как это у тебя язык поворачивается предложить оставить друга в беде?

С этими словами Волька укутался в халат и снова уснул. Через некоторое время его разбудил Хоттабыч, посиневший от холода, но чем-то очень довольный.

– Неужели нельзя дать человеку спокойно поспать? – забрюзжал Волька и снова накрылся с головой.

Но старик сорвал с него халат и крикнул:

– Я пришел к тебе с радостью, о Волька! Нам незачем лететь в Индию. Ты меня можешь поздравить: я уже снова умею расколдовывать. Бессонная ночь на морозе помогла мне вспомнить, как снимать заклятия. Прикажи возвращаться обратно, о юный мой повелитель.

– А Женя?

– Не беспокойся, он вернется домой одновременно с нами или даже чуть раньше.

– Ну, тогда я не возражаю, – ответил Волька.

И вот продрогшие, но счастливые пассажиры ковра-самолета финишировали наконец в том же месте, откуда они вчера отправились в свой беспосадочный перелет.

– Волька, это ты? – услышали они тотчас же мальчишеский голос, доносившийся из-под старой развесистой яблони.

– Женька! Ой, Женька! Боже мой, ведь это Женя! – закричал Волька Хоттабычу и побежал к своему приятелю. – Женя! Это ты?

– Я, а то кто? Конечно, я.

– Ты из Индии?

– А то откуда? Ясное дело, из Индии.

– Ой, как это интересно, Женька! Скорее иди расскажи, что с тобой там было.

И тут же под яблоней Женя Богорад рассказал своему старинному приятелю Вольке Костылькову о своих приключениях на чайной плантации в одном из заброшенных уголков Индии.

Поверьте автору на слово, что Женя вел себя там так, как надлежит вести себя в условиях жестокой эксплуатации юному пионеру.

Автор этой глубоко правдивой повести достиг довольно преклонного возраста и ни разу не обострил своих отношений с вице-королем Индии. Поэтому ему не хотелось бы ис-

портить эти с таким трудом наладившиеся отношения. А рассказ Жени Богорада, совсем еще юного гражданина Советского Союза, о том, что он видел в Индии, придирчивые дипломаты могли бы определить как вмешательство во внутренние дела жемчужины британской короны.

Аллах с ней, с этой жемчужиной! Вернемся лучше к нашим баранам.

Опять все хорошо

Примерно в то время, когда возвращавшийся ковер-самолет был уже где-то в районе Серпухова, безутешные родители пропавших ребят снова собрались на квартире у Кружкиных и в тысячу первый раз обдумывали, что им еще предпринять. Чай в стаканах давно остыл. Разговор не клеился. Иногда кто-нибудь произносил со вздохом что-то вроде:

– Подумать только, наш подрался как-то с ребяташками – они на него напали, он пришел домой ободранный и расцарапанный. А я ему говорю: «Почему это на меня не нападают мальчишки?» Не правда ли, глупо?

И снова наступала томительная тишина.

Похудевший за эти три дня Александр Никитич нервно шагал по комнате из угла в угол. Он так тяжело переживал исчезновение сына, что Татьяна Ивановна не выдержала наконец и сказала:

– Знаешь что, Шура, сходил бы ты в институт, проведаль бы своих баранов. И для работы польза, и развлекся бы немножко.

Минут через десять после его ухода раздался телефонный звонок, и Татьяна Ивановна услышала в трубке неуверенный мальчишеский голос:

– Это квартира Кружкиных?

– Да, – ответила Татьяна Ивановна, – Кружкиных. А в чем

дело?

– У вас здесь нет случайно кого-нибудь из Богорадов?

– Есть. А кто их спрашивает?

– Передайте им, пожалуйста, что их просит Женя.

– Какой Женя?

– То есть как это какой Женя?! Обыкновенно какой. Их сын Женя.

– Женечка, миленький, дорогой мой Женечка... – залепетала тогда Татьяна Ивановна в трубку. – Разве ты не утонул? То есть, Боже мой, что это я говорю! Ну, конечно, ты не утонул. Как я рада, Женечка, что ты не утонул! А где мой Сережа?

– Не знаю, – донесся издали голос, – я его сам три дня уже не видел.

– Как же это так? – еле выдавила из себя, глотая слезы, Татьяна Ивановна.

Но тут подбежал побледневший от волнения Николай Никандрович, вырвал у нее из рук трубку и закричал страшным голосом:

– Женька, это ты?

– А то кто? Конечно, я.

– Где же ты, разбойничья твоя душа, пропадал?

– Я... я... я гостил у одного товарища... в Можайске...

– В Можайске?! – залился счастливым смехом Богорад-старший. – Ах ты, такой-сякой, по гостям разъезжать задумал! Скажите, пожалуйста, какой мистер Пиквик! Ну мы,

Женечка, сейчас придем домой. Смотри, сиди и жди нас, не вздумай снова уезжать в свой Можайск.

Наскоро попрощавшись с еще более погрустневшей Татьяной Ивановной, Богорады помчались домой.

Как раз к этому моменту Александр Никитич входил в ворота своего института. Постепенно невеселые мысли о сыне вытеснялись мечтами о молниеносной научной славе. Он с удовольствием вспомнил, что за три дня все еще не объявился хозяин баранов. Еще денечка два наблюдений, и можно приступать к статье.

С этими приятными мыслями Александр Никитич направился к хлеву.

Но что случилось? Оттуда доносился гул человеческих голосов и громкий прерывистый лязг цепей.

«Воры!» – промелькнула в мозгу Александра Никитича тревожная мысль.

Дрожавшими от волнения руками он отпер двери хлева, ворвался внутрь помещения и застыл как пораженный громом. Бараны бесследно пропали!

Вместо баранов в стойлах металось около двух десятков мужчин, прикованных цепями за ноги к стене.

– По-позвольте, – грозно закричал тогда Александр Никитич, – а где же бараны?

– Это мы и есть бараны, – зло ответил ему мужчина лет сорока пяти с наполовину побритым лицом. – То есть, вообще говоря, мы, конечно, не бараны, а, конечно, как вы види-

те, люди, а вот вы нас трое суток держите в этих дурацких стойлах. Да снимите вы наконец эти идиотские цепи с наших ног! – заорал он без всякого перехода, и со всех сторон к Александру Никитичу понеслись возмущенные голоса:

– Это безобразие! Мы жаловаться будем!

– Человеку не дают спокойно побриться! Обязательно превращают его в барана!

– Дома волнуются, а нас тут на пробу резать собираются!

– Снимите немедленно цепь, а то я весь хлев разнесу!

Ничего не понимавший и изрядно перетрусивший Александр Никитич извлек из шкафа ключи от замков, которыми были скреплены цепи. Но в это время из самого отдаленного стойла донесся очень знакомый голос:

– Папа! Папочка!

– Сережа! Сынок мой милый! – закричал, не веря своему счастью, Александр Никитич и бросился тормошить и обнимать сына. – Вот это здорово! Нет, это просто здорово! Как ты сюда попал, а? Мы тебя ищем по всему городу. Ты, отказывается, здесь, под самым моим носом, и даже виду не показываешь!

– Я же еще третьего дня на улице прыгал вокруг тебя, – оправдывался Сережа, – ты даже сказал тогда милиционеру, что уже давно ведешь наблюдения над этим молодым барашком – надо мной, значит. Вот я и думал, что ты меня узнал.

– Да нет же, – отвечал счастливым голосом Александр Никитич, – я тогда, сказать тебе правду, здорово врал.

Но, тут же поняв, что выставляет себя перед сыном в невыгодном свете, он смущенно закашлял и сказал:

– Вот мама обрадуется! Побегу позвоню ей.

Так и не сняв цепи с Сережиной ноги, он побежал к выходу. Тогда остальные пленники, с интересом наблюдавшие драматическую встречу отца и сына Кружкиных, подняли такой гвалт, что Александр Никитич, торопливо произнося неуклюжие извинения, бросился отпирать замочки на цепях и, чтобы показать свою полную беспристрастность, освободил Сережу самым последним.

– Где тут у вас жалобная книга? – приставал в это время к Александру Никитичу мужчина с наполовину выбритым лицом, которого Кружкин, кстати говоря, освободил первым. – Нет, я вас категорически спрашиваю, где жалобная книга?

Посоветовавшись немного, жертвы Хоттабыча решили дело замять и взяли друг с друга торжественные клятвы, что никто никогда никому и ни под каким видом не расскажет об удивительном их превращении из людей в баранов.

– Как ты попал в эту компанию? – спросил Александр Никитич у Сережи, когда они возвращались домой. – Ты разве тоже был в этой злосчастной парикмахерской?

– Да нет же, – отвечал Сережа, крепко держась за руку отца, – я как раз проходил мимо. Вдруг слышу – внутри парикмахерской люди прямо помирают со смеху. Я, конечно, полез в парикмахерскую смотреть, в чем дело, почему смеются. И уже сам смеюсь. Засунул я голову в залу, смотрю, а

там только два человека нормальных – Волька Костыльков и какой-то старичок в смешных туфлях. А остальные все – и мастера, и остальные граждане – ну прямо на моих глазах превращались в баранов.

Тут я, как дурак, еще громче стал смеяться и в ладоши хлопать. И вдруг я слышу – что-то не тот звук получается. Не похожий на аплодисменты. Смотрю, а у меня вместо рук – копыта и сам я уже не человек, а барашек! Только ты, пожалуйста, папа, никому не рассказывай.

– Ладно, ладно, – сказал Александр Никитич. – Видишь, Сережа, во-о-он мама спешит!

Сережа бросился навстречу Татьяне Ивановне. Как будто сговорившись, никто не напоминал Александру Никитичу про его первую и последнюю попытку добиться научной славы без упорного и добросовестного труда.

«Будьте знакомы»

Рано утром следующего дня друзья были уже в сборе.

– Будьте знакомы, – сказал официальным голосом Волька и представил Хоттабычу Сережу и Женю.

– Очень приятно, – сказали в один голос и Хоттабыч и обе его недавние жертвы.

А Хоттабыч подумал немножко, пожевал губами и добавил:

– Нет границ моему счастью познакомиться с вами. Друзья моего юного повелителя – лучшие мои друзья.

– Повелителя? – удивились Сережа и Женя.

– Да, повелителя и спасителя.

– Спасителя? – не удержались и фыркнули ребята.

– Напрасно смеетесь, – строго взглянул на них Волька, – тут ничего смешного нет, – и вкратце рассказал о всех приключениях за последние трое суток.

Ребята помолчали, подавленные необыкновенностью своего нового знакомого. Молчание прервал Женя:

– А знаете, товарищи, наш дом скоро будут сносить.

– Прошу прощения, превосходнейший отрок, не скажешь ли ты мне, что значит «сносить дом»? – пытливо осведомился Хоттабыч.

– Ну, ломают.

– А зачем, прости мне мою назойливость, будут ломать

твой дом?

– То есть как зачем? Чтобы построить на его месте новый дом, дом-дворец. Это не только наш дом ломать будут, – добавил он с гордостью, – в нашем переулке сразу четырнадцать домов ахнут. Заодно уж и переулок расширят. Давно пора.

– А тебе жалко дом? – сочувственно спросил старик.

– А то не жалко! Конечно, жалко, я к нему во как привык! Мы в нем одиннадцатый год живем. И ребята кругом все знакомые.

Хоттабстрой

Около четырех часов утра два подвыпивших гражданина на возвращались домой после товарищеской пирушки. Они шли, крепко обнявшись.

Вдруг один из них, тот, который повыше, почувствовал, что сверху ему что-то капнуло на нос. И это при совершенно безоблачном небе! Удивленный гражданин поднял свои глаза вверх, потом торопливо зажмурил их. Он явно чего-то испугался, но решил не показывать виду.

– Вася, дорогой мой, – сказал он деланно равнодушным голосом, – посмотри, сделай милость, наверх...

Вася послушно посмотрел на небо, тоже испуганно заморгал глазами, тоже сделал равнодушное лицо и отвечал более или менее спокойным голосом:

– Так что я, Никитушка, ни-ничего не вижу.

Они так и не сознались, что видели, как по небу один за другим пронеслись четырнадцать многоэтажных домов. Под каждым домом тоненькими, еле заметными усиками болтались обрывки телефонных и электрических проводов и торчали обломки водопроводных труб. Из труб еще капала вода. Одна из капель как раз и упала на нос Никитушке.

Примерно в это же время Николай Никандрович Богорад проснулся от какого-то резкого толчка, спросонок решил, что уже пора вставать, и направился на кухню умываться. Но

вода из крана не текла. Тогда он решил зажечь свет, чтобы сподручней было поправить водопровод, но свет не зажегся.

– Пробка перегорела, – догадался Николай Никандрович.

Он притащил из коридора стремянку и полез проверить пробку, но пробка была в полной исправности.

– Что за безобразие! – возмутился он и снял телефонную трубку, чтобы сообщить управдому, что сразу испортились и электричество, и водопровод.

Но и телефон бездействовал.

Тогда Николай Никандрович решил разбудить управдома, чтобы сообщить ему о странных авариях. Открыв двери парадного, он увидел, что дом стоит не в Первом Спасоболвановском переулке, как обычно, а в совершенно неизвестном месте, где-то далеко за городом.

Было не больше четырех часов утра, когда Вольку разбудило легкое прикосновение чьей-то руки. Он недовольно хмыкнул, повернулся на другой бок и, натянув на голову одеяло, попытался снова заснуть. Это ему, однако, сделать не удалось. Неизвестно каким путем пробравшийся в комнату сильный ветер сдул с него одеяло.

Тогда Волька огорченно открыл глаза и увидел прямо над собой торжествующее лицо Хоттабыча.

– В чем дело? – сварливо спросил Волька. – Не мешай, пожалуйста, спать. Это просто не по-товарищески будить человека чуть свет...

Старик сделал вид, что не заметил упрека. Он важно раз-

гладил руками свою бороду и низко-низко поклонился:

– Если ты, к искренней моей радости, чувствуешь себя здоровым, то сообрази встать и почтить своим присутствием Первый Спасоболвановский переулок.

– В такую рань?

– Ты осчастливил бы меня, если бы выполнил мою покорнейшую просьбу, не откладывая ее.

– Скажи хоть, в чем дело?

– Да позволено будет мне не ответить на этот вопрос, ибо я осмелился уготовить тебе, о Волька, скромный сюрприз.

– Ну, разве что сюрприз, – сурово сказал Волька и, позевывая и потягиваясь, начал одеваться.

Спустя несколько минут они вышли из дома и зашагали по широкому пустынному тротуару. Одинокие шаги далеких пешеходов звонко раздавались в утренней тишине. Город еще спал; румяное солнце лениво поднималось из-за крыш, расталкивая толпившиеся у горизонта желтые, розовые и оранжевые облака. Высоко в небе еле слышно гудел самолет, и его крылья на солнце тоже были розовые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.